

Г. М. Василевич.

Автобиографии эвенков

Предлагаемые автобиографии являются типичными для большинства эвенков, прошедших школу в Институте народов Севера. Первые годы в институт поступали в большинстве случаев сироты. В биографиях их характерно «бродяжничество от одного хозяина к другому». В местную школу они попадали или бегством от «хозяина» или же их отдавали вместо собственных детей. Картина жизни у чужих всегда печальная: едят остатки, одеваются в старье и выполняют все работы, рано становясь охотниками на службе у хозяина. Первые годы пребывания в школе не организованы — из школы уходят, их берут родители «на промысел», так как и маленькие дети-ученики в хозяйстве эвенка уже имеют определенный вес.

В некоторых случаях мы встречаем самоучек, которые впервые попадают в школу уже в Ленинграде (см. биографию Борисова).

Жажда получить знания — огромная: учатся, читают, посещают театры и едут домой на работу. Сейчас почти в каждом эвенкийском районе на разных работах есть эвенки, получившие образование в Ленинграде. Двое из таких — заместитель председателя Витимо-Олекминского округа Иван Кириллович Абрамов и Александр Данилович Давидкин избраны депутатами Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Теперь все эвенки учатся в своих школах и в институт приезжают уже с достаточной подготовкой, проходя все вступительные испытания и по своим знаниям удовлетворяя всем предъявляемым требованиям.

За последние годы из среды эвенков выделяются начинающие авторы. В конкурсе на лучшее произведение, организованном Издательством художественной литературы в январе 1937 г., участвовало семь эвенков. Их произведения печатаются теперь в альманахе, с русским переводом; один из них получил премию.

Слова новой песни:

... Раньше нас считали зверями,
Теперь мы сами строим
Новую, светлую жизнь. . .

относятся ко всем эвенкам в любом уголке тайги. Всюду жить начали по-новому. Жизнь прежнего бродячего охотника тайги меняется с каждым днем, а вместе с жизнью меняются и люди.

Автобиография Григория Яковлевича Чинкова, эвенка из поколения Эдян с Сахалина.

Родился я в 1915 г. в эвенкийском поселке Ванги на Сахалине. Летом все эвенки со стадами откочевывали в сопки, и поселок оставался пустым. Нас было двое у отца и матери. Хозяйство отца считалось бедняцким, у него было всего 30 оленей. Мне было полтора года, когда умерла мать. После смерти матери

отец начал пить, меня отдали дяде, а брата взяла бабушка. Я жил у дяди до 5 лет. Тогда умерла его жена и меня взяла бабушка. Но у бабушки я жил недолго. Она скоро умерла. Года три я жил опять у дяди. Потом меня отдали якутам-кулакам. У них я колол дрова, таскал воду, искал оленей. Якуты отдали меня в 1925 г. в школу. Школа еще была старая. За провинности стояли в углу на горохе. За шалости нас ставили с вытянутыми руками на час и два.

В 1927 г. в Хандузе открылась первая туземная школа. Меня вместе с другими приняли в эту школу-интернат. Но и в этой школе еще было много старых порядков. Ребята убегали, и я раз сбежал в тайгу. За это и мне попало. В конце концов я попал в школу в Ногликах, кончил в этой школе четыре класса. Из школы нас семь человек откомандировали на курсы Рыбпромуча в Александровск. Летом мы работали на рыбалке. Скучно было на практике. Я с товарищем решили отсюда уехать. Починили лодку, приготовили парус, хлеб и собрались в дорогу. Но это нам не удалось. Нас поймали и обещали отпустить. Осенью мы пошли домой и только в январе я добрался до дому. Шли мы пешком, ехали с попутчиками на оленях. Добрался я до знакомых. У них долго не жил. Опять захотелось учиться. Нашел я попутчика и зимою приехал опять в школу в Ноглики. Здесь я проучился один год.

Однажды нас начали опрашивать, кто хочет ехать в Ленинград. Я о Ленинграде много слышал. Он мне представлялся большой, большой деревней. Хотелось побывать, и я с радостью записался, ни с кем не советуясь. В 1933 г. я поехал. Пароходы я уже знал, но железнодорожный поезд видел в первый раз. Он мне казался самым быстрым железным оленем, когда уносил меня сквозь леса. Выйдя в Ленинграде из поезда, я был ошеломлен шумом. Город никак не похож на мою родину: кругом каменные дома подобны горам, а не горы. Люди, как муравейник в тайге, кишели вокруг меня; как волны в море кипела вокруг меня толпа. Кругом блестели лучи, но была ночь. По узким ущельям гуськом во все стороны ездил железные сани . . .

Голова шумела, перед глазами все вертелось. Трудно было привыкнуть к шуму города. Ночью я вскакивал с постели и не мог спать. Тянуло в тихую тайгу . . .

Но первый год прошёл, и я привык. Сейчас я учусь на четвертом курсе педагогического отделения Института народов Севера. Мне хочется и домой ехать — учить других у себя в школе, и самому учиться здесь дальше . . .

Сейчас я работаю над собою, пробую писать стихи и рассказы о старой и новой жизни эвенков, о тайге, о природе . . .

Г. Чинков один из начинающих авторов. Первое его произведение «Из жизни сахалинского охотника» и сборник стихов «Родная тайга» печатаются в альманахе. Сейчас он работает над второй книжкой стихов. У Чинкова богатая память: прочтя раз, он запоминает стихи и целые поэмы. Больше всего он любит поэзию и театр.

Автобиография Алексея Михайловича Салаткина, эвенка из поколения Лонтогир, с р. Непы Катонгского района

Я родился в 1914 г. на одном из притоков Нижней Тунгуски в Катонгском национальном районе. Отец мой был охотник. Оленей у нас было мало, и охотился он больше пешком. Брал он на охоту и меня. Наше жилье было недалеко от устья р. Непы, а за соболями отец ходил на Байкальские гольцы, за Лену, к Ангаре. Он уходил соболевать с товарищем на целую зиму. Однажды он взял и меня. Тогда я еще совсем маленький был, ружья держать не умел. Мы шли пешком, иногда я садился на нарточку с едой и припасами, которую тянули наши охотничьи собаки. Ночевали мы у костра, питались убитой дичью, сушеным мясом и хлебом — колобками, которые сами пекли в золе на ночевке.

Мне было 11 лет, когда отец меня привез впервые в школу. Это была русская школа в с. Банщиково. Вначале я проучился два месяца, дальше у меня не было средств на жизнь в деревне, и я ушел на охоту с отцом. (Я тогда уже умел бить белку.) Через год я проучился еще четыре месяца в другой школе. Учение опять было прервано охотой. 15 лет я попал в третий класс. Весною я не мог дожидаться окончания и отправился на стойбище один. Нашел в деревне брошенную берданку, подправил, подчистил ее, взял кусок хлеба и двинулся в путь. По дороге я встретил эвенков, они дали мне собаку. Это было время, когда медведи выходят из берлог. Жутко было идти по тайге с плохой берданкой. Дорогою я хватился за спички, их не оказалось. Пошел без огня. Мысли о медведе сделали меня трусом — треск ветвей заставлял меня вздрагивать. Прошел я день, спустился к речке, где должны были стоять наши. Выстрелил, но никакого ответа не получил. Подошел к стоянке, а наши уже откочевали. Стал осматривать, нашел метку — мох и ветка показали мне направление. Пошел — следы были свежие. Ночью я дошел до своих.

Через год я вступил в артель. Но в ней я долго не работал.

В 1931 г. к нам приехали эвенки из РИКа. РИК предлагал мне ехать учиться. Я согласился. Приехал в Ленинград. Здесь я проучился четыре года. По окончании курса поехал обратно. РИК выделил меня на работу по комсомолу. Через год меня перевели на работу в Ербогоченскую школу учителем первого класса. Но прошел год, и мне предложили ехать в отдаленный участок района — Токминский кочевой совет по культпросветработе, где я работаю и сейчас.

Еще во время учебы в Ленинграде я попробовал писать стихи, часть их уже вышла двумя книжками. Здесь в тайге я продолжаю писать. В январе 1937 г. Государственное издательство художественной литературы организовало конкурс на лучшее произведение (на языках народов Севера). Я послал на конкурс несколько своих стихотворений.

А. Салаткин — первый эвенк, давший ряд стихотворений. Он знал песни своего народа и ритм их взял за образец для своих стихов. В книжечке «Тайга играет» напечатано 22 стихотворения. Большинство их посвящено природе тайги и охоте. Но рядом с этим он пробует свои силы и на современных темах: «Луч Ленина» — о появлении первого партийца в тайге, «Скалища» — сравнение нашего Союза со скалой и др. Вторая книжечка «Гегдаллу и Ульгорик», издание Детиздата, представляет собою поэму о юноше и девушке. В основу этой поэмы Салаткин взял историческую тему межродового столкновения — ангарские эвенки нападают на непских. На фоне этого он дал образы молодых людей, их любовь и печаль юноши после смерти любимой девушки. Последние стихи Салаткина печатаются в эвенкийском литературном альманахе «Раньше и теперь».

Автобиография Николая Борисова, эвенка из поколения Бута Урмийского района Дальне-Восточного Края

Родился я в 1909 г. на притоке Амура в Куро-Урмийском районе. Родители мои имели 15 оленей и кочевали по тайге вслед за дикими зверями. С 14 лет я уже был настоящим охотником и помогал семье. В 1929 г. в нашем районе организовался первый колхоз. Я был одним из первых членов. Вначале нас было только 8 человек. Интеграл отпустил колхозу 1200 руб. Мы купили 4 лошади, 2 коровы, плуг и борону. Расчистили площадку и впервые засеяли овсом и посадили картофель. Глядя на нас, другие эвенки стали подумывать о вступлении в колхоз. Через год в колхозе было 30 хозяйств. Я был членом правления и бригадиром. Я самоучкой научился читать и писать. Живя в колхозе, я начал работать в сельсовете. Тогда я вступил в комсомол, а через некоторое время стал кандидатом партии. Так я проработал три года. В 1932 г. РИК предложил мне ехать учиться. Я согласился,

поехал в Институт народов Севера. Трудно было начинать — это была моя первая школа. Тяжело было привыкать и к городскому шуму. Но это было только один год. Я даже думал в конце этого года ехать обратно, но потом привык. Сейчас я кончаю педагогическое отделение и жду с нетерпением дня, когда я буду работать в своей школе, которая открылась после моего отъезда.

Автобиографии нымыланов¹

1. Кецай Кеккетын²

Я родился в 1918 г. на Камчатке в Тигильском районе, на Конной речке. Я помню — тогда лет шесть мне было — отец мой постоянно охотился, добывал всякого зверя, чаще всего — диких оленей. В то время я думал: мой отец самый сильный из всех людей. Приходилось отцу также и при оленьем стаде работать. Он был батраком зажиточного оленевода Каннылю. Своих же оленей у нас было совсем мало.

Потом мы спустились с Конной речки на Коллион. Там прожили два года.

В 1927 г. мы перекочевали на Ткэрак. Мне тогда уже почти 10 лет было. Летом я все время ягоды собирал с товарищами. Осенью на Ткэраке всегда ловили рыбу неводами. Я был с рыбаками.

В 1928 г. мы снова перекочевали — на Ватноваям. Когда весна пришла, мой отец запор на реке поставил. Юрты наши от рыбалки далеко были. И вот мой отец весь улов на себе перетаскивал. Иногда по два, по три раза в день ходить приходилось. Я ходил вместе с ним. Зимой же мы все время кочевали с оленьим стадом, отыскивая хорошие моховища для оленей. Весной все время отела я тоже работал при стаде, охраняя новорожденных телят от ворон и лисиц. Когда мне первый раз сказали: «иди в стадо», помню — очень боялся я.

Зимой 1929 г. мы с моим товарищем Йытэком, сыном Лэктыгыйн'ына, все время ставили капканы на горностаев. Я в ту зиму двух горностаев добыл. Потом горностаи ушли в другое место, и мы прекратили охоту. А весной стали добывать еврашек, тоже капканами.

Однажды отец сказал мне: «Поедем в поселок, кино увидишь».

Давно я слышал от людей про кино, но не мог понять, как это человечки по белой ткани движутся. Приехали мы в Ватнон, — я не ем и чаю не хочу, все думаю: а вдруг убегут отсюда кинолюди. Потом вошли мы в один дом. Я вижу ящик, думаю: наверное там находятся киночеловечки: оттуда вылезут, взберутся на полотно, начнут там что-нибудь делать. Когда начали показывать кино, сперва испугался я, а потом не мог глаз отвести от экрана.

В середине зимы 1929 г. на Ткэраке открылась кочевая школа. Я не хотел учиться, но отец послал меня. И Йытэка тоже послал его отец. Начали мы учиться. Ни его отец, ни мой не приезжали навещать нас. А нам все время домой хотелось. Так, что даже убежали мы на дорожку в ту сторону, откуда наши должны были приехать. Потом услышал я от людей: отцу моего выбрали председателем туземного совета. 15 марта наши отцы приехали и взяли нас домой.

В 1931 г. я и Йытэк Лэктыгыйн'ынов и другие ребята, которые учились вместе с нами на Ткэраке, все мы были переведены в с. Тигиль. В тамошней школе нас приняты во 2-ю группу 30 ноября 1931 г. я вступил в комсомол.

В 1932 г. в с. Тигиль мы приехали. Я начал учиться в 3-й группе. А после зимних каникул меня перевели в 4-ю группу, потому что тогда я начал учиться хорошо и быстро успеваю.

Ранней весной я вернулся домой. Отец мой в марте уехал тоже на учебу — на культбазовские курсы советских работников. В начале лета меня вызвали в кочевья на устье реки. Туда прибыла экспедиция. Меня взяли в экспедицию проводником и носильщиком палок-реек. Очень нравилось мне с экспедицией работать, потому что все тундры мы обошли, все осмотрели. Особенно интересно было в верховьях рек.

Осень настала. Я домой вернулся и сразу же уехал в с. Тигиль на учебу. Начал учиться в 5-й группе. Хорошо учился, поэтому мне дали премию. От пионеротряда и комсомольской ячейки я получил пионерскую одежду.

Потом я услышал говоривших: «кто хочет за море ехать учиться?» Я сразу же к отцу пошел. Он был тогда кооперативным работником. Отец сказал: «Поезжай». И я пришел к товарищам и сказал: «Я тоже поеду за море». Иные отговаривали меня, говорили: «Пропадешь там за морем». Но я думал: не один там буду — с товарищами.

¹ Автобиографии переведены с нымыланского языка и доставлены в редакцию С. Н. Стебницким.

² Весной 1936 г., по окончании III курса Ленинградского Института народов Севера им. П. Г. Сидовича при ГУСМП, тов. Кецай Кеккетын был командирован в годичный отпуск на свою родину Камчатку, где работал инструктором Окружного комитета нового алфавита Корякского нац. округа и продолжал свою литературную работу.

6 июля 1933 г. погрузились мы на пароход и отплыли во Владивосток. Из Владивостока я выехал в Ленинград — по железной дороге. Когда ехал, целыми днями от окна вагона не отходил.

Приехав в Ленинград, начал учиться в Институте народов Севера на I курсе. Старался учиться, и отметки у меня были всегда хорошие.

Еще в 1934 г., когда мы учились на своем языке, чуть не на каждом уроке спорили: как правильно писать слова. Одни из нас говорили на диалекте оседлых, а я и Наянов Микуль — на диалекте кочующих. Я начал думать и решил: напишу какую-нибудь большую записку, чтобы туда вошли все наши слова. Так летом 1934 г. я составил рассказ о том, как раньше жили оленеводческие батраки. Я назвал этот рассказ «Эвныто батрак». Часть этого рассказа напечатали в газете «Инсовет». Потом я снова переделал и дополнил свой рассказ, и его напечатали на нашем языке отдельной книжкой в Государственном издательстве детской литературы при ЦК ВЛКСМ. Это была моя первая книжка. Когда она вышла, я сразу же послал первый экземпляр на Камчатку, отцу.

Потом я написал еще две книжки: «Последняя битва» и «Книга для чтения для I класса нымыланской начальной школы».

2. К'ак'о К'эчгын-айн'авын¹

Я родился в 1908 г. Мне было два года, когда мой отец ушел на промысел и больше не вернулся. Очень много трудился мой отец в своей жизни. Он был бедняк. А мать моя была середнячка. Оленья стадо принадлежало матери. Стадо наше было небольшое и совсем не возрасало, потому что мой отец к беднякам был щедр, сам будучи бедняком.

А когда мне было 12 лет, начал я при оленьем стаде работать постоянно. Четверо нас братьев было. Иногда врозь мы жили, потому что приходилось работать батраками в стадах богачей. Работая при оленьем стаде, начал я добывать зверя. Хозяин выдал мне ружье, и этим ружьем я убивал для него медведей и других зверей.

Потом пришло мне время жениться. Начал я орабатывать за жену. Двое нас при стаде работало. К весне товарищ мой совсем сбил себе ноги и захромал. Я тоже был болен. Одолела нас тяжелая работа. Вскоре остались мы без продуктов. Товарищ мой совсем обессилел, потому что всю весну почти без пищи мы провели и без чаю. А оленей не убивали, боясь хозяина.

В конце весны я пошел на стойбище за продуктами. Но мне ничего не дали.

Вскоре слох теленок в нашем стаде. Освежевали мы его. Начали варить. Вскипело мясо. ~~Дели мы, и сразу нам очень спать захотелось.~~

А стадо наше, молодыми весенними побегими питаюсь, хорошо разжирело — спины у оленей плоские, даже со впадиной по хребту.

И все время я работал только при стаде. Никакой другой работы не знал. Только одну работу я вел — в стадах богачей пастухом. После же, совсем возмужав, я сказал старшему брату: «Будем лучше жить своим хозяйством». Своим хозяйством зажили, стало немного лучше. Очень я старался, работая при оленях. А старший брат рыбу запасал. Постепенно стадо наше стало увеличиваться, потому что очень уж я трудился, работая при оленях.

Потом начали организовывать колхозы.

Старший брат сказал мне: «Лучше в колхозе начнем жить. Хорошо в колхозе заживем. Ни в чем нуждаться не будем. При оленях легко работать будет. Не будешь больше один из сил выбиваться».

В 1932 г. мы вступили в колхоз. Кеккет организатором нашего колхоза был. Хорошо мы зажили. Перестали богачей бояться. Как будто впервые свою жизнь мы увидели.

17 марта 1932 г. Кеккет уехал по командировке на учебу в окружной центр, на культурно-просветские курсы совработников.

Половина наших колхозников в то время в горах жила. Там же жил председатель нашего тузсовета Авновыи. Другая половина наших колхозников жила близ моря.

В августе решили наши колхозники школу строить. Не поставив на обсуждение, председатель тузсовета распорядился: «В горах стройте».

Начали строить школу в верхнем стойбище. Однако наши, жившие в низовьях реки, были против этого. Когда уехал в районное село председатель тузсовета, поставили мы школьную юрту в нижнем стойбище.

Почему другую школу поставили? Потому что в горах неудобно, местность неподходящая. Далеко доставлять туда все необходимое — рыболовное снаряжение для рыбалки, снабжение для школы и продукты, — дорога трудная, гористая.

Вернулся председатель тузсовета из Тигила, сразу собрались мы на собрание. Обсудили — какая школа удобнее. Наши одолели на собрании, хотя и упорный спор был, все же наши одолели. Строительство школы в горах отменили и на нашем низовом стойбище поставили школу.

¹ В январе 1934 г. товарищ К'ак'о вошел в состав бригады Окрисполкома по перевыборам в советы в районе хребта Паллал, наиболее отсталом районе Коряжского нац. округа. Потом он состоял инструктором Комитета нового алфавита при Окрисполкоме Коряжского нац. округа и вел большую работу по подъему культурного уровня населения округа.

18 января 1933 г. Кеккет вернулся с учебы. Вот с тех пор и начали наши колхозники хорошо понимать новую жизнь. Все, чему обучен был, начал он нам разъяснять. И начал он направлять нашу жизнь. Пастухи при стадах начали работать посменно. Каждый по две зимы должен был при стаде отработать. Прочие промышляли зверя.

Вернулся Кеккет и стал всем нам разъяснять новый закон, как колхоз вести и как колхозную работу наладить. Улучшилась наша жизнь. Женщины наши тоже поняли новый закон, говорили: «Как будто впервые жизнь мы увидели».

В начале наш председатель тузсовета плохо работал. Не хорош был Авновын, часто выпивал, вел себя, как большой начальник, запугивая товарищей. Когда Кеккет вернулся из окружного центра, я рассказал Кеккету о плохой работе председателя тузсовета, залупивающего колхозников. Кеккет сразу же собрание созвал. Все услышали об Авновыне — плохом работнике. И понял тогда сам Авновын, подчинился общему суждению и с тех пор свою работу улучшил.

Тогда же наметили меня для отправки в окружной центр на учебу. Правда, совсем неграмотным был я тогда и по-русски не знал ни слова. И все же решили послать меня на учебу, хотя я знал только одну работу — при оленьем стаде. Отозвали меня из пастушьей бригады, и Кеккет сказал мне: «Один год проведешь там в учебе».

Я ответил ему: «Да разве я гожусь на это?»

Он сказал мне: «Ничего. Так нужно. Не ты — так кто же? Правда, Омкэ грамоту знает, но лжив он; Авновын тоже хочет учиться, но не избрали его наши для этого».

Так меня, работника при оленях, назначили на учебу. Что знал я? Но мне сказали: «Тебя на собрании выбрали для отправки на учение», и сказали мне: «Вот мы тебя записали». Очень я сомневался в себе, но думал: раз избрали меня, должен ехать. Поеду. Согласен.

18 марта выехал я в окружной центр. Выезжая из дому, ни одной буквы я не знал и совсем темный был, ничего не понимающий.

Потом приехали мы в с. Каменское. Двое суток там прожили, перекочевали на Первую Речку. Там стали мы жить в палатках. Вскоре началось наше ученье. Я впервые был в школе.

Учась я постепенно спрашивал моих товарищей обо всем, чего не понимал. Понемногу начал понимать. По-русски говорить чуть-чуть обучился, писать, читать по своему и по-русски немного. Правда, очень я старался учиться грамоте. Бывало, долго сижу, пишу целый день, так, что к концу даже сердце заболит.

Теперь народ в колхозы объединился. На всякой работе поровну трудиться начали. Общей силой в колхозах легче стало работать.

При старой власти только богачи хорошо жили, только они всем довольствовались. Бедняки же плохо жили. Теперь если в каком-либо колхозе вредители, бывшие кулаки скрываются, — выявить их и тотчас исключить. Не быть в колхозах приверженцам старой жизни!

При старой власти не обучали бедняцких детей. Говорили: никчемные беднячишки. Думали: обучишь их, нельзя будет обманывать, даром обирать пушнину. Постоянно обманывали и притесняли бедняков.

Теперь мы все, бывшие бедняки, учимся, чтобы впоследствии сами себе, своему народу руководителями быть во всяком деле, в строительстве новой жизни. И женщины наши стали учиться. Многие из них есть умные и способные. Из них также пусть руководы наши выйдут.

Хорошо новый закон во всяком деле, во всякой работе проводить будем.

3. Кирилл Ласточкин¹

Я родился в 1906 г. в с. К'ыль'ын (Ука). Мой отец был бедняком. Когда он женился, ничего у него не было, только 10 ездовых собак и небольшой огород. Лето приходило — отец рыбачил. Рыба кончалась — начинал охотиться на мясного зверя — на медведя, на дикого оленя. Умелым охотником был мой отец.

Вскоре на доходы от своей добычи он купил двух коров. В ту пору, когда я начал себя помнить, у нас было две коровы и два коня — кобыла и жеребец, да огород такой, что всю зиму мы не нуждались в картофеле.

Когда я подрост, отец послал меня на ученье в с. Карагу. Я начал учиться в 1916 г. в Карагинской школе. В то время еще старорежимные школы были. Учили нас: бог есть. И объясняли нам, как надо поклоняться богу. Говорили еще: кто усерден в работе на хозяина, тот разбогатеет и тогда начнет торговать, а затем большим богачом сделается. Только этому нас и обучали.

Когда я уезжал из дому на учебу, отец мой был сильно болен. И вот, пока я учился в школе, отец мой умер. Когда отец мой умер, сородичи перевезли мою мать в Карагу. Все свое хозяйство она покинула, только детишек забрала.

¹ В настоящее время товарищ Кирилл Ласточкин работает инструктором Райисполкома Пенжинского района в одном из наиболее глухих и культурно-отсталых уголков округа на р. Чайваваям. (Шайбо-взем).

С этих пор сородичи стали нас кормить. Чем жили бы мы, если бы сами по себе остались? Я ведь был еще мал, только на школьное учение пригоден.

Четыре года я проучился. Во время учебы постоянно слышал о войне. Но ничего не говорили о новой, лучшей жизни, о том, как надо жизнь перестроить.

Кончил я учиться в школе, стал способным к работе, уже 14 лет мне исполнилось. Сразу отвезли меня в кочевье, и там начал я работать батраком при стаде богача. Все время при оленях я находился. Начал добывать лисиц и прочего мелкого зверя. Но в поселок или куда-либо подальше хозяин меня не пускал.

Когда я в кочевье жить начал, все еще о войне слышно было. А в нашем краю были царские начальники. Но вот прошел слух: царя убили. Однако у нас все еще царские помощники хозяйничали.

Потом подошли к нам отряды красноармейские, выскивавшие последней царской власти, которые в нашем краю скрывались.

Как только пришли красноармейцы, прошел слух о строителях новой жизни. Услышал я, что артели организуются.

Потом начал я слышать: комсомольцами товарищи делаются. Думал я: начальниками какими-нибудь ставят товарищей? Что знал я тогда о комсомоле? Впервые услышал слово «комсомол».

Потом приехал к нам в кочевье товарищ из поселка. Он сказал: «Я — комсомолец».

Я думал: для чего это комсомольцами становятся? Думаю: ну-ка к товарищам поеду в поселок, посмотрю, как жить стали и для чего сделались комсомольцами.

Но хозяин не пускал меня, хоть и очень беспокоен я был от желаний узнать, какова эта новая жизнь. Он же говорил мне: «Нечего тебе там смотреть».

Вскоре хозяин мой умер. И тогда начал я ездить по кочевьям и по поселкам и тут впервые узнал, почему товарищи комсомольцами стали, и что такое новый закон.

Потом в 1932 г. было большое собрание в с. Карага. К нам в кочевье приехали оседлые товарищи. Сказали мне: «Хочешь ли вступить в комсомол?»

Я сказал: «Конечно, хочу. Но только расскажите мне хорошенько, что должен делать комсомолец». Один из них подробно рассказал мне, для чего создан комсомол и какова его работа. Меня послали на собрание в поселок. Началось собрание. В комсомол меня не приняли. Сказал руководящий товарищ: «Многовато лет тебе, чтобы стать комсомольцем. Если хочешь, примем тебя кандидатом в партию». Так в 1932 г. я вступил в кандидаты ВКП(б).

Еще в 1930 г. организовали мы артель. Сперва мало нас было в артели. Многие не хотели в артель итти. Говорили: «Вступим в артель, голодать будем. Что себе заготовим, все заберут в артель».

Потом увидели: хорошо наши артельцы живут, голода не знают, не только запасов у них вдоволь, но еще всякий товар приобретают себе. И сами стали проситься к нам в артель. Все наши бывшие бедняки начали в артели работать и тогда впервые хорошую жизнь увидели.

В 1932 г. у нас организовался колхоз. В колхозе мы распределяем работу по бригадам. Есть у нас бригады неводчиков, засольщиков, икрянщиков. По окончании рыбной путины делим зарплату по трудодням. Кто лучше работал, больше получает, кто хуже — меньше.

При колхозе у нас организована столовая, детские ясли, склад, построена баня — общая для всех колхозников. В наш колхоз входят оседлые и кочевники. Мы организовали несколько женских пошивочных бригад. Лучшие поделки сдаем в кооператив. Так наши женщины тоже деньги зарабатывают. Теперь даже одинокие женщины, без мужа оставшись, как раньше моя мать, не будут бедствовать. Наравне со всеми прочими они могут зарабатывать себе на жизнь, принося пользу другим людям.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДОРЕВОЛЮЦИОННОМУ БЫТУ НАРОДОВ СССР

Д. К. Зеленин

Дореволюционный быт мордвы

Вам беды такой не видать теперь:
Век советский — и счастлив, и радостен!

Этими словами закончила умершая недавно мордовская сказительница Е. П. Кривошеева из Саранского района свои поэтические воспоминания о прошлом.¹ Эта 70-летняя неграмотная поэтесса достигла в своих фольклорных произведениях подлинных высот народного поэтического творчества и является, в сущности, выдающимся советским поэтом. Она создала изумительную лирическую поэму огромной силы — о смерти незабвенного С. М. Кирова. Ей же принадлежит «Завещание матери» — вещь большой подлинно-философской глубины и лирической прелести.²

Приведенные выше слова Е. П. Кривошеевой — о великой «беде» дореволюционной мордвы, о счастье и радости современной советской мордвы. — глубоко правдивы.

Корреспондент московской газеты «Правда» из Саранска недавно нарисовал такую картину современного мордовского быта: «Колхозы Мордовии собирают богатый урожай конопли. В Кочкуровском районе колхоз имени Крупской, собравший по 10 центнеров волокна с гектара, становится миллионером. В колхозе строятся родильный дом, баня, две конюшни, большое зернохранилище, две плотины для мойки конопли. 36 колхозных семей из тесных глинобитных мазанок переезжают в новые благоустроенные дома. Огромные доходы от конопли получают в этом году и колхозы Инсарского района: доход колхозов имени Кирова, имени Ленина и „Красная Мордовия“ — около двух миллионов рублей; колхоза „Путь к социализму“ — свыше трех миллионов руб. В колхозе имени Сталина, где каждый гектар дал 12 ц волокна, валовой доход от конопли составляет один миллион одиннадцать тысяч рублей. На каждый трудодень колхозники от одной только конопли получают здесь по 12 руб., кроме того, по 9 кг зерна, а также овощи, мед и т. д. Колхозник Гречкин, выработавший 450 трудодней, недавно построил пятистенный, под железной крышей, дом. К нему на новоселье приезжают дети: Михаил — лейтенант, Поля, заканчивающая педагогическое училище, Иван и Женя — учащиеся средней и начальной школ».³

В архиве Географического общества в Ленинграде хранится рукопись анонимного автора «Мордовское село Скафтым Кузнецкого уезда». Рукопись без даты, но, судя по содержанию, она относится ко времени около 1855 г. Автор, очевидно, местный сельский священник. Он пишет с большими претензиями на высокопарное красноречие. Конечно, никаких указаний на ужасную эксплуата-

¹ Творчество народов СССР, изд. ред. «Правды» к XX годовщине Великой пролетарской революции. Правда, 1 X 1937, № 271.

² А. Адалис. Поэзия народа. Изв. ЦИК, 16 IX 1937, № 217.

³ Высокие доходы коноплеводов Мордовии. Правда, 10 X 1937, № 280. Корреспонденция из Саранска. столицы Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики.